

ПОЛЬ АВИНЬОН

ДИАЛОГИ
ПЕНИСА

Поль АВИНЬОН

Диалоги пениса

«Самухина Н.А.»

Авиньон П.

Диалоги пениса / П. Авиньон — «Самухина Н.А.»,

Эта книга – мужское покаяние. Настал ХХІ век, и мужчинам достает смелости задуматься о себе всерьез и описать самих себя без прикрас. Может быть, в душах читательниц презрение сменится жалостью. И, кто знает, вдруг случится чудо: покаяние и сочувствие сольются, а мужчины и женщины – вознесенные к доселе невиданным высотам взаимопонимания – соединятся ВНОВЬ.

Содержание

Предисловие переводчика	5
К читателю	6
1. Жан Фабрис	7
2. Жан Кристиан	10
3. Жан Поль	13
Марсьяль и Роже. Опус 1	15
4. Жан Рено	18
5. Жан Амеде	20
6. Жан Марк	23
7. Жан Пьер	25
8. Жан Люк	27
9. Жан Эдье	29
Марсьяль и Роже. Опус 2	32
10. Жан Ноэль	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Поль Авињон

Диалоги пениса

Предисловие переводчика

Нам предстоит знакомство с целой галереей типов и характеров.

Блистательный представитель прессы, обожающий сюрпризы. Добропорядочный отец и столь же безупречный муж. Рабочий-металлург, поражающий своей неприкрытой откровенностью. Выпускник Национальной школы администрации, принимающий упоительные ванны по четвергам. Отшельник, неожиданно разговорившийся в кафе, у барной стойки. Управляющий фабрики готового платья – у него все девушки делаются шелковыми...

Что общего у этих персонажей? Ответ очевиден: их половая принадлежность. Но не только – параллельно, сквозной линией проходит долгий разговор престарелого писателя, ставшего дзэн-мастером, с юношей, ищущим ответа на наболевшие вопросы. У одного позади целая жизнь, у другого все впереди. Они рассматривают сложные жизненные перипетии исключительно с мужской позиции. Правда нередко оказывается довольно неприглядной.

Поль Авињон говорит прямо, без прикрас, выдавая глубочайшие тайны своих собратьев. Женщинам предоставлена возможность узнать, что думают о них мужчины на самом деле. Как гласит кредо какого-то французского деятеля культуры, рассуждения мужчины – это диалог его разума и его пениса, и какие бы идеи ни выдвигал разум, мужчина в конечном счете делает только то, чего хочет его пенис.

Итак, на читательский суд выносится книга непростая, перед нами – мужское покаяние. Настал двадцать первый век, и мужчинам, наконец, достает смелости описать самих себя и призадуматься всерьез, не являются ли женщины сильнее мужчин. Остается лишь уповать на то, что в душах читательниц, пропущенных сквозь горнило испытаний, презрение сменится жалостью. И, кто знает, вдруг свершится чудо: покаяние и сочувствие сольются, а мужчины и женщины – вознесенные к досель не виданным высотам взаимопонимания – соединятся вновь.

Элина Браиловская

*«Должен сообщить вам кое-что
очень важное, месье.*

*Мы все отвратительны. Все мы великолепны,
и все мы отвратительны.»*

Алессандро Барикко

Шелк

Альбен Мишель (1997)

К читателю

Книга эта – результат невероятной дерзости троякого свойства.

Дерзость проявлена, прежде всего, со стороны моей скромной персоны. Пытаясь говорить со всей откровенностью о реальном опыте своих собратьев, раскрывая манеру, в которой мы, мужчины, относимся к своей (своим) спутнице (спутницам), говоря тем языком, который мы употребляем в разговорах о женщинах, а значит, выявляя наш стиль оценки прекрасных дам... тут я, признаться, несомненно повинен в предательстве мужской братии.

Далее потребовалась смелость со стороны издателя. Он рискнул опубликовать книгу, не поддающуюся классификации, без единой составляющей, гарантирующей верный успех: нет секса в буржуазном салоне, нет кровавого убийства в курилке Полковника Мутарда¹, нет технологических изысков, нет непринужденного юмора, нет... Ничего – только грязная неприкрытая подлинность. С присущими ей комичностью и трагичностью.

И наконец, что всего важнее, дерзнуть придется и вам. Читательнице понадобится отвага: узнавать всю подноготную мужчин иногда крайне дискомфортно. Не говоря уже о храбрости читателя: смотреться в зеркало – порой одно расстройство.

Остается лишь обратиться к каждому моему читателю, независимо от возраста и половой принадлежности, с просьбой признать старую, как мир, максиму: кто утрачивает иллюзии, тот выигрывает в ясности ума.

¹ Это намек на необычайно популярную в Европе салонную игру, где игроки пытаются разгадать преступление, отвечая на вопросы в форме загадок. Курилка – одно из мест совершения преступления, а Полковник Мутард – один из подозреваемых. – Примечание переводчика.

1. Жан Фабрис

Церковь полна народу. Полетта не без грусти подумала, что на похоронах ее мужа – а прожили они пятьдесят лет – куда больше людей, чем когда-то на их свадьбе. И тут же мысленно одернула себя: в этом нет ничего удивительного. Жан Фабрис был человеком отзывчивым и жил полной жизнью: собственное предприятие, ответственная по местным меркам должность, долгосрочные контракты с пятнадцатью фирмами. Здесь, в нефе, собрались его друзья детства и однополчане, их общие приятели, клиенты, ставшие хорошими знакомыми, и добрая половина именитых граждан городка. У Полетты потеплело на сердце от прилива благодарности: они были образцовой парой, вокруг них много друзей, у них четверо детей, все они хорошо устроены, у них внуки, пышущие здоровьем. Всем этим она обязана ему одному.

Ей понадобилось несколько месяцев, чтобы набраться смелости вернуться в их квартиру в Нанси. Теперь, без него, там совсем пусто. За последние недели, проведенные у детей, по очереди, в каждом из четырех уголков Франции, она уже подготовилась к новому для нее чувству одиночества. Она признательна детям, без их поддержки эта смерть стала бы для нее непереносимой, вряд ли она примирилась бы с непоправимостью такой утраты. Еще через несколько дней, она немного освоилась с уединением, приучилась ставить только одну тарелку, смотреть телевизионные новости без комментариев мужа. Не следовало все же до бесконечности оттягивать совершение печальной необходимости – приведения в порядок офиса Жана Фабриса, находящегося в нескольких кварталах от их квартиры. Мучительная титаническая работа. Муж был преуспевающим аудитором, правда, традиционного склада: до самой пенсии не пользовался компьютером. Она знала, что он хранил все материалы в письменном виде. Корреспонденция с ответами в двух экземплярах, контракты, кассовые книги клиентов, записные книжки, заметки, наброски... За бумажным массивом документов, наводнявших сто двадцать квадратных метров площади плюс подвал, ей виделась вся их жизнь, и воскрешать воспоминания о ней она никак не решалась. Служебное помещение после неожиданной кончины Жана Фабриса оставалось нетронутым, словно он вот-вот туда вернется. Смерть приходит всегда не ко времени.

В конце концов, Джоанна, одна из ее дочерей, сумела вырваться на недельку, чтобы помочь ей вычистить эти новоявленные авгиевы конюшни. Четыре дня они все разбирали, сортировали, а в основном, выбрасывали. Бывшая секретарша канцелярии любезно взяла на себя обязанность обзвонить старых клиентов и узнать, не желают ли они забрать касающиеся их документы. Джоанна наняла пикап и съездила на нем раз пятнадцать туда и обратно в место сбора утиля. Полетте казалось, будто она выбрасывает в мусорную корзину целую жизнь, о которой, по большому счету, знала совсем немного: муж очень четко отделял их частную жизнь от своих профессиональных занятий.

Джоанне пора было возвращаться к себе домой, в привычный, вертящийся вокруг нее мир. Помещение практически освобождено. Оставалось еще несколько предметов мебели, письменный стол, шкафы, стеллажи и важно возвышающийся, казавшийся незбылемым американский сейф – к нему мать и дочь не прикасались: Полетта намеревалась вызвать слесаря, поскольку не знала, где ключи. По крайней мере, так она сказала Джоанне. На самом же деле, два ключа, о которых идет речь, находились в ящичке ночного столика Жана Фабриса, служившего его единственным неприкосновенным уголком во всем доме. В присутствии дочери она не решалась открывать массивный металлический сейф. Полетта опасалась, что там обнаружатся какие-нибудь темные дела и налоговые нарушения, к которым был причастен Жан Фабрис, и ей не хотелось, чтобы Джоанна осуждала отца из-за каких-то бумажек. Муж не посвящал посторонних в свои махинации, скрывая имена их участников. Он вынужден был идти на них, чтобы удержать того или иного клиента или добиться чьей-либо поддержки.

Вчера уехала Джоанна, и сегодня, наконец, Полетта решается на последний шаг – она перевернет последнюю страницу, после чего оставит помещение агентству по найму. Она вытаскивает из ночного столика два ключа, садится за руль своей маленькой машины и отправляется в бюро.

Снова груды хлама! Одну за другой она хватается связанные вместе кипы бумаг, папки с застешками, распухшие от писанины, пробежав глазами, удостоверяется, что это не семейные документы, и поочередно сбрасывает их в картонную коробку, когда та заполняется, она ставит ее в багажник машины.

И вот, в глубине полки, сверху над сейфом, остается только плотный конверт из крафт-бумаги... и нечто вроде красной картонной коробки для обуви, с крышкой, перетянутой толстой резинкой. В конверте – крупные купюры, примерно две тысячи евро, которые она тотчас распределяет поровну между четырьмя детьми.

Садясь за массивный письменный стол из черешни, она кладет перед собой таинственную коробку, прикидывая на руке ее вес. При других обстоятельствах, Полетта позабавилась бы поисками разгадки, подобно маленькой девочке на чердаке: что за сокровище там внутри? Опять деньги? Свидетельство еще какой-нибудь не очень честной комбинации? Высохшая резинка крошится под ее пальцами. Какой-то миг она колеблется, у нее предчувствие, что не стоит двигаться дальше. Приподнимает крышку.

В коробке лежат бумаги, написанные от руки, письма с загнутыми углами, читанные-перечитанные, документ, устанавливающий право собственности, пожелтевшие фотографии. На одной из них – обнаженная женщина, чуть смущенно улыбающаяся в объектив. При виде этой фотографии Полетту обдает ледяным душем. Ее женский инстинкт все объясняет лучше, чем рассудок...

На чтение этой переписки у нее уходит несколько часов. Жан Фабрис и на этот раз сохранил копию своих ответов. Из конвертов выскальзывают и другие фотографии, от них щемящая боль в ее груди еще усиливается. На одной карточке изображена любовная парочка на пляже, а вот та же женщина стоит, прислонившись к капоту автомобиля, вот она сидит на террасе какого-то кафе, вот снова обнаженная, но на другом побережье: где же это? А вот еще, укутанная, на балконе, на фоне заснеженного горного массива. Ее даже не назовешь красивой. К концу пятого письма Полетта уже не в силах сдержать рыданий.

Тринадцать лет двойной жизни, тринадцать лет лжи, отговорок, «служебных» поездок, тайных отпусков, а она, тем временем, сэкономила каждый сантиметр, поднимая на ноги четверых детей, которых родила от *этого* человека. Всматриваясь в одну из дат, она вспомнила – и ее точно обожгло каленым железом. Тысяча девятьсот семьдесят третий, именно в том году Жан Фабрис был в Каннах, под предлогом сопровождения клиента на сложных переговорах, она тогда отказалась от покупки того голубого платья, довольно смелого покроя, о котором мечтала, ей так хотелось надеть его и в нем отпраздновать возвращение Жана Фабриса. Вместо этого она купила по паре недорогой обуви двум старшим детям. За все эти долгие тринадцать лет, он подарил этой женщине квартиру, машину, оплачивал ее путешествия, ее платья, их совместные ужины при свечах. Верный своему пристрастию все хранить, он сберег даже счета из ресторана, билеты в кино, контракт об аренде прогулочной яхты в Сете... За тринадцать лет у Полетты не возникало ни малейшего сомнения, ни тени подозрения – а ведь та женщина жила в их городе.

С завтрашнего дня офис будет сдан в аренду, вместе с проклятым сейфом, вмурованным в стену не менее основательно, чем злокачественная опухоль, унесшая жизнь Жана Фабриса. Полетта сохранит коробку и ее содержимое. И никогда не расскажет об этом детям.

Однажды она наберется смелости и отправится по адресу, который проставлен на свидетельстве о собственности, оформленном на имя этой женщины. Она обнаружит, что на почтовых отправлениях по-прежнему появляется та же фамилия. Она определит этаж, высмотрит

ее в окно и узнает – это она спускается со своей сумкой. Со старой хозяйственной сумкой, на колесиках, из английской пластмассы, свидетельствующей о непритязательности своей владелицы.

Да, это та самая взволнованная женщина, которая присутствовала на похоронах. Полетта заметила ее тогда, пока все проходили перед ней чередой, выражая соболезнования. Маленькая черная фигурка держалась в стороне, вцепившись в сумочку морщинистой рукой. Полетта задумалась, кто она такая, но мысль об этом вскоре вылетела у нее из головы.

Больше часа, украдкой, она следует за ней по рыночным рядам, под мелким ноябрьским дождем. Эта немногословная, молчаливая, не улыбающаяся женщина кажется ей бесконечно одинокой. Всматриваясь внимательно, до боли в глазах, она обнаруживает смутное сходство с тем лицом на фотографиях из коробки. Обе они теперь превратятся в маленьких сгорбленных старушек. Обе любили одного и того же мужчину, от которого у нее, Полетты, четверо детей.

После тринадцати лет подполья и тайной любви, после бесконечных просьб жениться на ней, после обещаний Жана Фабриса развестись – эта женщина сама стала инициатором разрыва. И даже проявила благородство: после того, как сделала аборт, предлагала ему вернуть и квартиру, и машину, и платье, и драгоценности.

Полетта ощущает необъяснимое сочувствие к покинутой сопернице, выброшенной на обочину дороги. Согнутой под тяжестью своей сумки, сломленной одиночеством бесчисленных ночей, когда она оплакивала не появившегося на свет ребенка. Ее письмо о разрыве было написано двадцать лет назад.

И все же Жан Фабрис был добрым отцом и хорошим мужем, отзывчивым другом, лицом известным и почитаемым. И церковь на похоронах этого образцового человека была полна народу...

2. Жан Кристиан

С высокомерием своих двадцати лет он презрительно взирает с балкона на этот загнивающий мир – о нем у него сложилось свое, особое мнение. Послеполуденный июльский горизонт загорожен уродливыми постройками. Таков поселок в одном из парижских пригородов, где он живет со своей матерью. Каждые двадцать лет заходит разговор о том, что домишки эти подлежат капитальному ремонту. В последний раз это происходило не иначе, как после его появления на свет, поскольку сейчас замызганы они так, что дальше некуда. Он засекает внизу, у дома 6 Б одного из их банды, состоящей из бывших учеников «класса дебилов» – так называли в коллеже класс со специальным уклоном, с начальной «механической» подготовкой, считалось, что там одни придурки. Но даже оттуда его вышибли.

Они весело проводят время – слушают музыку на лестничных клетках, пьют пиво, украденное из супермаркета, где его мать работает кассиршей. Пять дней в неделю она на ночной смене. По утрам она спит, видится он с матерью после обеда, по вечерам он один. Так что до полуночи квартира в их распоряжении. А то и позднее, в те ночи, когда она прирабатывает, пополняя ассортимент и украшая полки магазина к завтрашнему открытию. Хотя ради этого ей приходится терпеть грязные приставания своего мудилы-шефа – чувак руководит ночной сменой и думает, что круче его только яйца!

Так что частенько они приволакивают в его квартиру *телку*. И трахают ее, как следует, а не то, что другие, в подвалах, точно крысы. Они с Марселем, Тариком, Абделем и Жильбером жарят ее по очереди. Всех до одной через это пропустили, честное слово! Жизнь была бы прекрасна, если бы не эта фигня со СПИДом и не стрем с резиной.

Начальная «механическая» подготовка, ну, ваще! Тарик прошел весь курс, до финиша. У него свидетельство о профессиональной пригодности, и все такое! А работы, так же, как у всех у них, ни хрена. Вот они и накачиваются пивом на лестничной клетке. Иногда им удается вскочить в вагон скоростного метро, съездить в город, прошвырнуться по Торговому Центру и чего-нибудь там потырить. Типа видеоприставки DVD, которую какой-нибудь лошок только что купил себе во *ФНАКе*, или пары ботинок, которую еще какой-то недоделок гордо выносит из магазина *Спорт*. Видеоприставку DVD можно хорошо толкнуть в поселке. Трахнуть телок, засосать пивка с корешами, потырить в Торговом Центре, посмотреть порно по видеюшнику... Это же лучше, чем метро-работа-сон, что нет? А порой им обламывается сходить в дом 7 Б *забить косячок*. Их сигареты с гашиком наводят страх на старушеницу с третьего этажа. Напрасно они ей внушают, что травка ничем не хуже дешевого и отвратного красного вина, которое она глушит с утра до ночи, бабулька все равно визгует! А они укатываются со смеху.

После смерти Валерии, они уже почти не прикасались к этой отраве. Девчонку нашли в подвале дома 7 Б, при ней оставалась еще половина ее пакетика с наркотой. Она лежала вся обоссанная. Они вызвали службу скорой помощи. Эти суки-врачи обзвонились в полицию, зря потянули время – вот и приперлись слишком поздно. Валерия уже была мертва. Полицейские обшмонали весь квартал. Ни хрена не нашли! С дилерами расправилась их банда. Одного из этих двух скотов они огрели нунчаками прямо по морде и выбили глаз. Больше он здесь уже не светился.

Валерия была настоящая львица. Стремная – почище иного мужика! Даже ограбила ювелирный магазин с револьвером, во как! Точно, как на кассетах с Уэсли Снайпсом, или в том фильме... «*Спи со мной*», ну, да, именно так. Ворвалась в парике, вытащила пушку, «А ну, вываливай мне все», – и смылась. Вот так, с пистолетом, который ей дал ее дилер, чтобы она оплатила свои дозы с помощью вооруженного нападения. Не важно, зачем, но она это все-таки отчебучила, пусть теперь полицейские ищейки порыщут, им ее уже не *вздрючить*! И при таком геройстве взять и очокуриться в подвале... Но ничего, они отомстили за Валерию. С той поры

их в поселке зауважали. И когда им хочется *забить косячок*, они отправляются конкретно в дом 7 Б. Как бы воздавая ей должное.

Каждый день в зеркале ванной он видит, как стареет его лицо. Мать говорит, что он теперь – мужчина. Как это понимать? Что отныне на нем ответственность приносить деньги? Был бы у него отец, он бы объяснил. Но отца у него нет. Мать говорит, что так лучше. Когда он задумывается об отце, он вспоминает Клода. Наклоняется с балкона, вглядывается. Ну да, он на месте. Поливает живую изгородь перед входом, ту самую, которая чудом уцелела под натиском выхлопного газа и мочи окрестных собак. Клод – сторож, он правильный мужик. У него всегда найдется приветливое слово и улыбка, даже для самой дрянной мелюзги, жертвой которой нередко становится он сам. Интересно, был бы он хорошим отцом? Сколько он себя помнит, перед ним неизменно возникает согбенный силуэт сторожа, выносящего мусор на тротуар. День за днем, год за годом он вытаскивает мертвый груз отбросов и очищает от него весь поселок. Этот человек словно взвалил на себя обязанность воевать в одиночку со всем дерьмом, которое изливает наш мир. Весной он подстригает кусты, а летом – поливает. Их квартал – единственный, где еще сохранилась живая изгородь, и это заслуга Клода. Он отказался от борьбы с граффити, но не оттого, что трусил: трастовая компания выделила ему такие маленькие деньги на покраску, что их едва хватило бы на подновление макета поселка. Но свою битву с жирными бумажками и шприцами Клод ведет до победного конца. Молча, с любезной, но непоколебимой настойчивостью, он собирает все шприцы и все бумажки. В конце концов, люди научились уважать его труд. В понедельник Банда призвала к порядку одного пацаненка из дома 5 Б, нарочно разбрасывавшего свои упаковки от *фаст-фуда* перед Клодом. Наверное, Клод действительно мог бы стать хорошим отцом.

А может, стать мужчиной, это значит не испытывать желания ни долбать *телок* по четыре-пять часов, ни уводить мопед со стоянки у лица, где папенькины сынки учатся управлять миром, в котором он всю жизнь будет вкалывать за мизерную плату, ни откупоривать бутылки с пивом на лестничной клетке в компании. Тарик и Марсель говорят, что с тех пор, как он встретил Марию, он стал какой-то чудной. Мария Сампаю. Она, правда, стала для него важнее, чем он мог предположить. Он встретил ее на станции скоростной линии, она только-только нанялась уборщицей в парфюмерный магазинчик. Потрясная малышка! Сначала они хотели трахнуть ее вдвоем с Тариком: такая задница, прикидываешь, какие ноги! Они ее маленько охмурили и дождались после работы. И тогда, не он ее, а она его скрутила, да так, что у него крыша поехала. Она оказалась целочкой! Вдруг ему захотелось трахать ее не так, как других. Не вопрос: СПИД через нее не подхватишь! Мария, она *чистая*...

Ему неловко признаться друзьям, но она познакомила его со своими предками, португальцами. Отец ее железнодорожник, мать убирает квартиры, у нее четверо братьев и сестер. Их отношения длятся три месяца, и она уже говорит про свадьбу, про семью, про все такое. Ее отец спросил со своим португальским акцентом, каковы его намерения, определился ли он, чего хочет от его дочери. Старикан не кипятился, просто хотел знать, только и всего. Он ему ответил:

– Вашу дочь я люблю. Вот и все. Чего там разводить церемонии!

Не мог же он объяснить ему, какая горячая у него дочь!

– Тогда нужно это доказать! – так и выговорил, ну и старик.

Эти Сампаю католики, причем строго соблюдающие. До интегризма, правда, дело не дошло, просто верующие, но стойкие, как железо. И поэтому, чтобы «доказать», он очутился у кюре. Офигеть! Они ходят туда вдвоем, по субботам. Там есть и другие пары, тоже молодые, в основном португальцы, но не только. Все садятся в кружок, как идиоты, а кюре ведет беседы и задает вопросы. Женитьба, помолвка, верность до гроба. Они называют это «прибежищем». Как-то он сказал кюре:

– Для начала помогите мне материально, отец мой. А в прибежище мне торопиться незачем!

Это даже не смешно. Он ни секунды не верит в бредятину кюре. Ни в венчание, ни во все остальное. Но раз он хочет Марию, надо через это пройти.

Правда жизни проста, не пятьдесят же их, этих истин: 1) Мария супер-клевая; 2) Мария супер *чистая*; 3) Покончим и со СПИДом, и с потаскушками. Остофачили презервативы!

Мария – классный вариант. Значит – точка. И если чтобы спать с ней, надо венчаться перед ее кюре, – *нет проблем*! Вакцину от СПИДа рано или поздно придумают, а развод при этом никуда не денется.

Стоит ли корячиться из-за такой ерунды!

3. Жан Поль

Вторник, 15 часов, аэропорт Тулуза-Бланьяк, зал прибытия.

Жан Поль ждет, у него маленькая табличка с названием фирмы, приезжает сотрудница Парижского управления, он никогда ее не видел. Она должна провести переговоры об условиях оплаты с крупным клиентом – одной испанской фирмой, которая в курсе трудностей местного кассового отдела. Новая ветвь, отделившаяся от Министерства Финансов, служба Инкассирования, надо сказать, неплохо *набирает обороты*. Жан Поль уже десять лет занимается продажами. Его подразделение охватывает всю Южную Европу, от Греции до Испании. Их фирма – бесспорный лидер по решению компьютерных проблем «под ключ», она поставляет программное и аппаратное обеспечение для фирм, разрабатывающих высокие технологии и ведущих научные исследования в области фармацевтики и авиационной промышленности. Так появилась в Тулузе та самая антенна, которой управляет Жан Поль, ведь он главный продавец фирмы, на сегодняшний день «вес» его составляет 15 % от общего объема продаж! Тут нет никакого бахвальства, он действительно самый лучший. И за это ему еще и перепадает!

Об этой встрече его предупредили дней десять назад. Достаточно времени, чтобы навести справки о девице у сослуживцев из главного офиса:

- Молодая, старая?
- Лет 35, 36...
- Окольцованная?
- Да, замужем, но заиклена на сексе. Вообще говоря...
- Ну, как она? Хоть ничего? Есть за что ухватиться?
- В целом, так себе. Не совсем доска, но плосковата. И к тому же абсолютная ледышка.
- Во попал!

Обычно в подобных случаях он притворяется разочарованным. Однако, в глазах его зажигается огонек. Его излюбленная жертва! Пусть сложена она не так, как на модной картинке, и не такая высокая, как каланча, – тоже неплохо. Даже лучше, это упрощает дело! Такая добыча в его кругу водится в изобилии – охоте благоприятствуют деловые поездки, семинары, подведения итогов, стажировки, совещания. Жан Поль – высокий худощавый брюнет, ухоженный, хорошо сохранившийся для своих сорока с небольшим. Седина на висках, но только местами (он их подправляет ежемесячно), брюшной пресс, как плитка шоколада (он его качает ежедневно), одет от лучших итальянских домов моды – он считает необходимым подчеркивать свойственную его фигуре грацию хищника. Притом предупредителен, услужлив, остроумен. Умеет расположить к себе – улыбается, держится с тактом, смущается, как юноша. Ему удастся заставить каждого клиента поверить в то, что он, Жан Поль, самый серьезный партнер, подобно этому, он убеждает каждую женщину в том, что она самая красивая. Впрочем, приемы в обоих случаях полностью совпадают.

И как у всякого заядлого охотника, у Жана Поля имеются свои охотничьи трофеи. Их коллекция приняла модную нынче форму электронного журнала, рассылаемого по Всемирной сети двадцати подписчикам. Большинство из них – приятели, работающие с ним в одной конторе, либо субпоставщики и партнеры. С недавнего времени у него появилось еще три абонента из американской посреднической фирмы. Как? Секрет! Где бы ни находились его инетовские подписчики, в Париже, Атланте, Токио, Милане, Нью-Йорке, Сиднее, Лондоне, Мадриде или Торонто, до них непременно доходят фильмы с изложением всех подробностей его любовных утех. Приключенческие эти повествования выходят в свет пусть не регулярно, но достаточно часто. Отдача, получаемая им от этого электронного журнала, оказалась для него столь значима и забавна, что обратная связь с абонентами превратилась в настоящий допинг, и он уже не в силах без него обходиться. Он инвестирует в эту страсть бешеные деньги, благо, у него есть

доступ к самым передовым приборостроительным технологиям. В его распоряжении видеокамеры, неброские на вид – их можно установить в любом гостиничном номере. Обычно он расставляет четыре видеокамеры, плюс одну дополнительно, ею он манипулирует украдкой, для лучшей четкости при съемке крупным планом. Так что его подписчики не упускают ни малейшей детали спектакля. Если некие дамы ведут себя не как дикарки, об этом тотчас проинформированы их коллеги по всему свету, и если, по воле случая, дамочки попадают в ловушки на каком-нибудь семинаре, коллеги уже осведомлены об их пристрастиях – какая требуется обстановка, какая прелюдия, какие ласки и позы. Подписчики успевают насмотреться на прелести этих дам и на интимные отношения с ними, которые Жан Поль, приобретя известный опыт, научился блестяще раскрывать перед камерами. Так складывается своего рода братство по обмену впечатлениями, добычей делятся друг с другом, без ведома своих жертв.

Случалось ему рассылать в онлайн-режиме и пламенные письма благодарных красавиц – те полагали, что пишут одному Жану Полю, однако, их письма читали и обсуждали все его подписчики, и не только они.

В фильмах не видно лиц этих женщин, поначалу так происходило из-за неумелого кадрирования, однако позднее Жан Поль обнаружил в этом некое удовольствие. Отдельные снимки из этих походов, размноженные в сети, переходят из рук в руки, они покидают рамки узкого круга подписчиков, появляясь на форумах и в e-мейлах, отчего Жан Поль упивается мыслью о том, как множество рогоносцев, то тут, то там, балдеют от восторга, любуются втихомолку раскрытыми бедрами, выставленными напоказ ягодицами и загребущими руками собственных женушек. Быть может, они даже испытывают настоящий кайф, глядя на изображения тех, кто в постели им его уже не доставляет?

– Вы Жан Поль?

– А вы, должно быть, Милена. Здравствуйте! Очень рад... Вы хорошо доехали?

– Ужасно! Не думала, что в наше время можно так намучиться из-за воздушных ям.

– Вот оно что! Вы не будете возражать, если мы выпьем по рюмочке перед встречей с нашими злостными неплательщиками? Вам будет легче расслабиться! Я знаю одно местечко, по дороге, там очень приятная атмосфера...

Марсьяль и Роже. Опус 1

– А, это ты, Марсьяль! Я подумал, кто бы это мог звонить в дверь в такое время.

– Я тебе помешал?

– Нет, что ты! Заходи.

Марсьялю девятнадцать лет. Он учится в высшей коммерческой школе с громким названием, по окончании учебы он, в лучшем случае, начнет свою карьеру с заведования отделом в большом универсальном магазине. Но что поделать! Похоже, началу этого циничного века угодно, чтобы он занял в обществе такое место, хотя по большому счету, оно не соответствует его потенциалу и надеждам, которые он подает.

– Устраивайся. Я сделаю тебе чай: будешь пить?

– Да, будь так любезен.

Марсьяль остается один в просторной гостиной. Он присматривается к домашней обстановке, повсюду потертые рамы, из них выглядывают улыбающиеся лица, не спускающие с тебя глаз, напоминающие черно-белые портреты довоенных кинозвезд из фотомастерских Аркур. Безделушки, стоящие на салфетках, репродукции Эдварда Хупера на стене, книга, оставленная на пианино, большой пейзаж какого-то американского натуралиста над очагом, где потрескивают поленья бука, на диске звучит симфония Брукнера. На одной из стен царственно красуется портрет Розы, супруги Роже, ныне покойной. Это картина кисти Вифредо Лама, кубинского художника, друга Роже. Роза позирует с котом. Портрет в стиле резких деформаций Пикассо, отчето красота модели не менее ослепительна. Комната полна воспоминаний о прошлом. Здесь вся жизнь Роже. Поразительное для дзэн-мастера изобилие предметов. Вот и Роже, он возвращается с дымящимся чайником:

– Делай, как я! Садись на пол. Сними обувь, если хочешь, так удобнее. Это черный чай, немного терпкий и горький. Но если он тебе не понравится, у меня найдутся охлажденные фруктовые соки.

Кладя чайник и две восточные фарфоровые пиалы для чая на большой поднос чеканной работы, он ставит его на тканый ковер.

– Нет, нет. Пусть будет черный чай. Такого я никогда не пробовал.

Двое мужчин усаживаются. Марсьяль не перестает изумляться, с какой легкостью этот почти девяностолетний человек скрещивает ноги в позе лотоса. Старик замечает его удивление, улыбается и открывает бал:

– Итак, чему я обязан честью заслужить твоё присутствие?

Марсьяль колеблется, подбирая слова:

– Тому... тому, что ты сказал в тот вечер, когда здесь был Жерар.

– Тебя что-то задело в нашей беседе?

– Не совсем... Вернее, да, действительно. Кое-что меня сильно расстроило.

– Очень сожалею, поверь. О чем бы ни шла речь, это не входило в мои намерения.

– Не извиняйся, Роже... А то я смущаюсь: ты мог бы быть моим дедом.

– И даже твоим прадедом! Хотя у меня такое чувство, что будь я им, мы бы сейчас не разговаривали. Я неправ?

– Прав. Отчего чужим всегда легче довериться, чем близким?

– Посторонних, которым мы доверяемся, мы выбираем, а в отношении близких у нас нет выбора. Таким образом, мы ощущаем себя свободнее с теми, от кого можем удалиться, в случае, если их реакция не соответствует нашим ожиданиям. Нет ничего проще.

– Может быть. Я не думал об этом под таким углом зрения.

– У тебя есть время для размышлений. Твоя жизнь только начинается.

– Готов к тому, что мне предстоит изучить еще очень многое. Однако, возвращаясь к той беседе, есть вещи, в которых я уверен!

– Черт возьми! Уже?

– Да. Если когда-нибудь я полюблю женщину, а она полюбит меня, мне хочется хранить ей верность всю жизнь. Я не хочу поступать так, как мои родители. Они поносят друг друга, опускаются до споров о мебели и о посуде, настраивают меня один против другого... Это так низко!

Роже умолкает. Он пьет свой чай по-восточному, шумно прихлебывая, чтобы не было слишком горячо. Потом улыбается, переводя взгляд на пламя камина.

– Догадываюсь, на какой эпизод нашего обсуждения ты намекаешь.

– Роже, я тебя уважаю как пример для подражания, как учителя. Ты сумел обуздать свой рассудок, ты достиг совершенства. Иметь такого человека в качестве своего деда – только мечтать можно! Ты преисполнен духовности, культуры и знаний, всегда готов выслушать другого, и...

– Довольно! Будет! Тебе не кажется, что ты склонен к идеализации? Еще немного и ты сделаешь из меня гуру! Короче говоря, я до этого явно не дотягиваю! Продолжай: «но...», ведь я чувствую, что есть одно *но*.

– Но я не понимаю, как ты мог сказать такое. Особенно Жерару: он же только что женился!

– Именно об этом я и подумал. Тебя задело за живое, как я смог ему сказать, что настанет день, когда у его жены обвиснут груди, и он непременно заведет себе любовницу на двадцать лет моложе?

– Ты говорил искренне?

– ... Конечно.

– Но... но ты, разве ты когда-нибудь изменял Розе?

– Да, я, как ты выражаешься, изменял Розе!

Марсьяль стоит, разинув рот, он лишается дара речи. Как это возможно, такой человек, кладезь мудрости, добрый, великодушный, рассудительный... такой человек, олицетворяющий для него святого, живущего в миру, мог оступиться? Роже отдает себе отчет, насколько взволнован этот юноша, но ничего не говорит. У Марсьяля мелькает луч надежды: Роза умерла пятнадцать лет назад.

– А, я понимаю. Ты хочешь сказать, что ты изменял памяти Розы, после ее смерти?

– Нет, это произошло при ее жизни.

Снова наступает молчание, слышно, как бук потрескивает в камине, скрипки оркестра приступают к *andante*.

– Но как же ты мог это сделать?

– А что я, собственно, натворил? Ты думаешь, кто я такой? Я такой же человек, как ты, только на семьдесят лет старше. С теми же надеждами и иллюзиями. Придет твой черед, и тебя постигнут те же искушения, ты тоже наделаешь ошибок, таких же, или других.

– Вы были такой дружной, такой счастливой парой. Из того, что я читал о тебе в статьях, в...

– Что известно миру внешнему о нашем внутреннем мире?

– Роза знала?

– Не думаю. Возможно, она о чем-то догадывалась. Или чувствовала. Но она ничего об этом не говорила. Во всяком случае, мне.

– А она?

– Что она? Изменяла ли она мне?

– Да.

– Ничего об этом не знаю. Я об этом не думаю. Но главное, это не имеет никакого значения.

– Эта... связь, которая у тебя была... она длилась долго?

– Да, не один год.

– Как...

– Как у твоего отца, совершенно верно. Только последствия были разные.

– И что, все мужчины делают это? Измена неизбежна?

– Ты что-нибудь слышал о вазопрессине?

– Нет. Что это такое?

– Это гормон. Ученые производили опыты над этим гормоном. Повышая сверх всякой меры его процентное содержание в организме отдельных видов, которым свойственна полигамия, они достигли эффекта, при котором самцы неожиданно проявляли образцовую верность!

– Не может быть! Ты шутишь?

– Ничуть. Не исключено, что моногамия явилась следствием генетической мутации. Вовсе не само собой разумеется, что наша мысль управляет этим механизмом, может, как раз наоборот! Отвечу на твой вопрос более... человечно – я не знаю, насколько неизбежна супружеская измена. Я близко знаком со многими людьми, и даже сейчас не прекращаю тесного общения. Большинство моих друзей не заговаривают на эту тему. Мир внешний и внутренний мир не пересекаются. Я ни о чем их не спрашиваю, я предпочитаю думать, что никакие тучи не омрачают ясного неба их счастья.

– Они так же счастливы, какими счастливыми казались со стороны и вы с Розой.

– Но мы действительно были счастливы! Так продолжалось до самого конца. Бывали ссоры, но мы никогда не размыкали наших рук.

– Но отчего у других историй такой плохой конец? Откуда появляется грязь?

– Мне об этом ничего не известно.

– Почему твою историю с другой женщиной нельзя считать грязной?

В тоне Марсьяля слышались нотки вызова, смешанного с недоверием.

– Мы приложили максимум усилий, чтобы она не сделалась таковой.

4. Жан Рено

Жан Рено внушил себе, что полный переворот в его жизни произошел исключительно по вине первой жены. В течение нескольких месяцев он сменил спутницу жизни, детей, работу, местожительство, машину, небо над головой, даже гардероб. По какому-то невероятному стечению обстоятельств, события следовали друг за другом с такой скоростью, что порой казалось: прежнее существование – из области воспоминаний неизвестного ему человека.

Спокойно переходишь через реку вброд – и вдруг, прямо посередине пути, становится нестерпимо жить так, как прежде. Работа делается несносной из-за дурацких придирок начальника. Истеричный визг жены терпеть невозможно. Идиотские капризы детей выводят из себя. Клонированный дом, воткнутый в ряды солидных пригородных особняков, обитатели которых считаются счастливицами, нагоняет тоску. В машине – вонь от табака, а хочется бросить курить. Размер всех шмоток рассчитан на мужика, у которого живот вдвое меньше.

И вот, одним весенним утром, как по волшебству, сами собой рождаются всевозможные подсказки выхода из создавшегося положения.

Сначала появляется Соланж. На службе неожиданно набирают дополнительных сотрудников для временной работы. Ее помещают перед застекленным оконным проемом, и она оказывается между Жаном Рено и солнцем. Он чувствует нечто вроде божественного откровения. Робкие солнечные лучи, проходя сквозь бледно-желтое платье, благодаря расположению против света, раскрывают милые округлости улыбающейся молодой женщины, замечаящей, что ею любуются. Что-то неведомое вдруг пронзает его насквозь и ударяет под дых. Очень скоро, прямо на следующий день, по поисковой системе своего «Макинтоша» он находит какой-то новый сайт по подбору персонала. Он загружает туда свое резюме, и программа выдает ему объявление, соответствующее его данным, как ему кажется, на 92 %. Эту должность ему предлагают в Эксе. И вот, месяца через три, он уже вместе с Соланж и ее дочерью, переселяется в свежееотремонтированный сельский дом неподалеку от Экса, который им сдают за бесценок.

Словом, он перечеркивает десять лет жизни, и супружеской, и профессиональной. Под солнцем Прованса он ощущает себя другим человеком. Жизнь начинается сначала, все становится так, будто Адам и Ева никогда не были изгнаны из Рая.

Приближались летние каникулы. Жан Рено исполнял новые служебные обязанности лишь несколько недель, и ему пока не полагалось ни дня отпуска. Соланж по-прежнему была на временной работе, начался период снижения деловой активности, и ей не давали никаких поручений. Тогда она надумала отправиться в туманные края – в Бретань. У ее родителей был дом на юге Финистера, в окрестностях Понт-Аббе, и они уже соскучились по своей внучке. Соланж и ее дочка уехали на десять дней, а сельский дом остался в распоряжении Жана Рено.

В первый вечер, когда он вернулся с работы, дом показался ему опустевшим. Он налил себе виски и устался в экран компьютера. И улыбнулся, вспомнив о далекой прошлой жизни. Он позвонил и заказал себе ужин – на подносе с отделениями, посмотрел какую-то муру по телевизору. Потом пошел спать, один.

На второй вечер он уже бойко нажимал на клавиши компьютера...

Женщине, сидящей напротив него в ресторане, в старом городе, лет сорок-сорок пять. Он пьет анисовый ликер с сиропом, а она – мартини. Она отказывается назвать ему свое имя, предпочитая для этой встречи псевдоним из электронной переписки. Как в старые добрые времена своей парижской жизни, он оплачивает еду и для проформы договаривается о цене сексуальных услуг. Она явно не профи. После небольшого допроса с пристрастием, женщина признается, что у нее есть муж, он хирург-дантист. Видно, что ей порядком надоело разыгрывать из себя путану на сайтах знакомств. Проститутки нынче сильно подешевели: не сравнить с теми, которые были на прежнем сайте 36 15, тогда Жан Рено знал все их адреса. А эта – судя

по роскоши ее облачения – совокупляется по тарифу не для того, чтобы набить кошелек, а просто, чтобы убить время.

Жан Рено по привычке оплачивает номер в отеле и трахает ее, как надувную куклу: без всякой обходительности и без всякого удовольствия.

5. Жан Амеде

Жан Амеде допивает чашечку кофе, наблюдая за туманом, который стучается над Женевским озером. Очертания статуй постепенно расплываются, еще немного – и от огромных зданий останутся только неясные формы, а от больших залов – лишь цветные полосы. Здесь, под высокими сводами офиса международной организации, Жан Амеде наслаждается радостью жизни. Он любит долгие перерывы, придающие своеобразный ритм нескончаемым заседаниям. Задерживаться не стоит, пора отправляться в Испанский зал, слишком большое опоздание может быть неверно истолковано. В дипломатии каждый жест – знаковый. Он думает с улыбкой – какой долгий путь потребовалось ему проделать для того, чтобы созерцать туман над Женевским озером...

Он родился в Ялинбогуа, деревне на берегу реки, неподалеку от Банги, главного торгового центра бывшей французской колонии Убанги-Шари в Экваториальной Африке. Несколько поколений, живущих в этих краях, стали жертвами самой безжалостной в истории работорговли, а в более поздние времена эти земли были со слепой и зверской жестокостью опустошены бельгийскими и французскими колонизаторами. В его деревне завидное усердие проявляли миссионеры из конгрегации «общества Марии». Священники отнеслись к нему с особым расположением, благодаря чему он получает свидетельство об окончании учебного заведения. Затем он продвигается все дальше и дальше, вплоть до того, что ему выдают стипендию от колониальной Администрации, с тем, чтобы он отправился в Сорбонну изучать философию. По возвращении в Банги, он тотчас вступает в ряды активных сторонников Движения за социальное развитие черной Африки. Тогда появилась МЕСАН – прогрессивная организация, которая под руководством Бартелеми Боганда боролась за независимое государство в Центральной Африке, которое должно было объединить современные Конго, Чад и Центральноафриканскую Республику. Ее главные вдохновители, среди них Леопольд Седар Сенгор, были избраны в парламент метрополии, они выступали за социалистическую и демократическую Африку, суверенную и независимую. В 1958 году партия МЕСАН провозглашает создание Центральноафриканской Республики, основанной на деголлевской Конституции, в составлении которой многие из них даже принимали участие. Молодая Республика добивается независимости в 1960 году, одновременно с большинством африканских заморских территорий. Но Жан Амеде отказывается от предлагаемых ему политических должностей. Во вновь созданном государстве он принимает активное участие в построении системы народного просвещения.

Какое-то время он считал себя африканским Жюлем Ферри². Ночью 31 декабря 1965 года бывший капитан французской Колониальной армии, грубый и необразованный, убивает большую часть президентского кабинета. Тогдашний президент, Давид Дако, едва уцелел во время государственного переворота, устроенного против него человеком, которому он поручил организовать национальную армию. Толстого армейского капитанишку повысили до звания полковника, звали его Жан Бедель Бокасса. Франция тотчас признала его законным главой центральноафриканского народа. Он поспешил объявить себя президентом пожизненно, затем маршалом, наконец, он сам себя провозгласил императором, ни больше, ни меньше, произведя нелепое и непристойное по пышности коронование.

Жан Амеде был близко знаком с социалистами и демократами, которые участвовали в строительстве независимости, и потому не мог надеяться на то, что ему удастся избежать чисток со стороны государственной полиции, учрежденной непосредственно Бокасса. В феврале 1966 года, в возрасте 32 лет, он просит политического убежища в Бельгии. Добивается

² Ферри Жюль, премьер-министр Франции. Проводник французской колониальной экспансии. – Примечание переводчика.

его лишь три года спустя. В течение года он живет в Центральноафриканской республике, за это время на его глазах умирают главные его соратники, оставшиеся два года после долгого и тяжелого бегства через Чад, Нигер, Мали и Сенегал, он проводит в бегах и в подполье во Франции, в Швейцарии и в Бельгии.

Благодаря друзьям, приобретенным в подполье, в основном бельгийцам и швейцарцам, он получил сегодняшний свой международный дипломатический пост. После возвращения к власти в стране Давида Дако, в ходе процесса над Бокасса, Жан Амеде выступал в качестве одного из главных свидетелей обвинения. Длинный и мучительный путь к демократии превратил его в международного борца за дело Мира. Если бы не помощь активистов, защищающих африканские мирные интересы в Европе, он сейчас был бы просто старой развалиной, заживо погребенной в окрестностях Банги.

В настоящее время он делает то, что в его силах. Он изобличает коррупцию, которая подрывает основы едва встающей на ноги экономики черного континента. Он делает все возможное для спасения жизни слабых и незащищенных – и черных, и белых, и желтых; унимает негодование Международного валютного фонда, борется против его бесцеремонных политических вмешательств; пытается объяснить жителям Запада, которые склонны к излишней торопливости, что «права человека» не могут быть завоеваны одними международными указами; что загрязнение окружающей среды – предмет весьма важный, но проблемы развития отсталых стран важны ничуть не меньше; надо заставить господ из Давоса понять, что не следует сбрасывать со счетов достоинства и способности бедноты, и конечно – образование. Это его конек. Без просвещения ничего нельзя построить ни в Африке, ни где бы то ни было.

Его статус и положение порой мешают ему открыто выражать свои истинные взгляды. Но у него два псевдонима, под которыми он выступает как автор острых редакционных статей по проблемам стран «третьего мира», он печатается и в *Молодой Африке*, и в *Нью Йорк Таймс*, и в *Международном курьере*. Его доходы несомненно выше, чем у многих африканских министров (конечно, не считая продажных!). Трудный период для него завершается в 1972 году, после этого при каждом удобном случае он посылает треть своей зарплаты в Ялинбоуга. И если в его глухой деревне, где уже давно нет никаких миссионеров из «общества Марии», все же имеется водонапорная башня, школа, диспансер, два ветряных двигателя и библиотека, то это в большой степени заслуга Жана Амеде. Да и сами жители Ялинбоуга изрядно постарались. Когда он думает о них, у него всегда покалывает в сердце. Он старается там проводить хотя бы одну неделю в году. Нигде ему не спится лучше, чем на рогожке, среди ароматов родного леса. Как жаль, что повсюду в Африке люди превращают леса в строительные площадки, истребляя кустарники и саванны. Местных ребятишек он смешит своими рассказами о церемониях, устраиваемых в больших международных гостиницах, со старейшинами деревни он обсуждает глупые причуды западного мира, с его бегом в никуда, с его полной потерей ориентиров.

Кофе остыл. Туман полностью окутал озеро, теперь он едва различает спокойную водную гладь. Египетский делегат делает ему знак рукой, должно быть, пора идти. Остается две минуты, чтобы подумать о том, что будет завтра. О том, как он полетит в Ниццу, и там увидит... Ребекку!

Каждый месяц он позволяет себе эту роскошь – потратить 500 евро на тайную вылазку в Ниццу. Он прилетает на Лазурный Берег, берет такси для прогулки по Английской набережной. Раньше он любил проделывать весь путь пешком, но сейчас он для этого уже немного староват. Тем не менее, он, как всегда, просит высадить его в трехстах метрах от отеля «Марина» и спокойно, важной медлительной походкой проходит под пальмами, с мыслями о ней, затем сворачивает в маленькую улочку и, как правило, обнаруживает ее там. О, Ребекка!

Она все еще красивая, хотя Жан Амеде ни на миг не заблуждается на сей счет. Как, впрочем, и остальные ее клиенты. Лицо ее подтянуто, зад по-прежнему округлый, груди гордо вздымаются к лазурному небу Ниццы, живот плоский – только теперь достоинствами этими

она обязана, в первую очередь, пластической хирургии. Она любит повторять, что у нее нет сутенера. Усмехаясь, он думает о ее хирурге.

Ребекка знает, что он придет. И освобождает для него вторую половину дня. По той же цене, уже столько лет! Она поджидает маленького черного человека в старом сером пальто, который скоро свернет за угол и пройдет по ее улице. После этого, они пойдут ужинать. А, может, ему захочется, чтобы она его обслужила еще разок? Ей очень нравится запах его тела, отдающий маслом сандалового дерева, его густые волосы над ушами, с каждым его визитом они становятся все белее.

В постели с Ребеккой, когда плоть ее сотрясается от его ударов, он часто представляет, как в ее лице засаживает всему Западному миру: неестественному снизу доверху, никогда и ничего не дающему даром, бесстыдно выставляющему себя напоказ в шелковых чулках. Но быстро отгоняет эту мысль. Ребекка очень милая. Она с ним просто за так.

6. Жан Марк

Жан Марк – служащий дорожно-транспортной компании. Это семейное предприятие, существующее вдали от социальных конфликтов нашего мира, на нем он работает вот уже тридцать лет. Патрон требовательный, но понимающий, к служащим относится, как к своим детям, хотя Жан Марк и он, к примеру, – оба призывники 63 года. В те времена и тому, и другому удалось избежать Алжира. Каждое утро Жан Марк тщательно проверяет сопроводительные бумаги о поставках товара, осуществленных накануне. Это занимает всю первую половину дня. После обеда сопроводительные бумаги о поставках он контролирует с не меньшим усердием. И не пропускает ни одной ошибки.

За тридцать лет он ни разу не получил повышения по службе и совершенно не был в этом заинтересован: у него никогда не было ни малейших амбиций. Его вполне устраивали надбавки за выслугу лет плюс спокойствие.

Он приступает к работе в 8 часов, на автобусный проезд до дорожной платформы Рюнжис, включая пересадку, он затрачивает от сорока пяти минут до часа, в зависимости от сезона, метеорологических сводок и уличного движения. Тем не менее, вот уже двадцать пять лет, выходит он из дома в 6 часов, а не в 7.

Поскольку в 7 часов ему отворяет дверь Мирей. Вот уже двадцать пять лет Мирей работает с Жаном Марком в одной компании. Мирей – любовница Жана Марка. Правда, теперь уже только отчасти. Жан Марк затруднился бы назвать дату последнего их объятия.

По средам он приносит газету *Мы Двое*, которую покупает в киоске на автобусной остановке, где делает пересадку. А по пятницам, с тех пор, как перестал выходить еженедельник *Жур де Франс*, он берет *Буаси*.

Они завтракают вместе, для Жана Марка это уже второй завтрак. В отличие от первого – пропитанный дымом, так как Жан Марк сопровождает свой кофе одной-единственной сигаретой «голуаз», выкуриваемой им за день. Его жена ни за что не потерпела бы такого. А Мирей к этому приспособилась. Они обмениваются несколькими словами, поскольку свою газету Жан Марк уже прочел дома.

О чем они говорят? Он, чаще всего, о своих дочерях. Им предстоит поступление в Университет, это одна из излюбленных его тем. Она, как правило, довольствуется тем, что выслушивает его. Порой, пытается комментировать его рассказы, но если рискует дать совет, обычно он одергивает ее репликой: «Да что ты в этом понимаешь?», изрекаемой, впрочем, без злобы. Это не лишено оснований: каким, собственно, жизненным опытом она может похвастать?

Мирей долго надеялась на то, что ради нее Жан Марк оставит жену. Жену и дочерей. Лелея эту надежду, она не искала своего счастья с кем-то другим. Пока она осознала, что приведет к ней мужчину ее жизни только его вдовство, менять мужчину стало уже слишком поздно. О нет, она никогда не желала, чтобы он овдовел! Нельзя желать людям смерти. К тому же она, Мирей, общается с Жаном Марком гораздо больше, чем ее «соперница», как они пишут в этой газете *Мы Двое*.

В 8 часов они вместе выходят и идут на предприятие, где их кабинеты разделены лишь перегородкой из матового стекла. Забавно, но они сохраняют привычку начала своих отношений: через контрольно-пропускной пункт они проходят с интервалом в две минуты. Мирей включает компьютер в бухгалтерии, а Жан Марк атакует первую стопку сопроводительных бумаг. Правда уже почти пятнадцать лет они и не пытаются скрывать свои отношения. Все предприятие в курсе, и это уже перестало быть темой для разговоров. В полдень, они вместе съедают по горячему, в *Пти Регаль*, там же делят на двоих полкувшинчика красного вина от хозяина заведения. Иногда они добираются до китайского ресторана, в торговом центре, правда, Жану Марку там не очень нравится. В хорошую погоду они устраивают пикник на сим-

патичном четырехугольном травяном газончике, за складом 14. С этого квадратика, залитого солнцем, хорошо просматривается выезд из Рунжиса. Они предаются отвлеченным размышлениям об экзотических местах назначения, куда выезжают бесчисленные грузовики, а также о происхождении прибывающих машин, которые исколесили всю Европу.

В такие минуты Мирей становится особенно грустно. Ей хотелось бы хоть немного пови-
дать этот огромный мир, вместе с Жаном Марком. Съездить в путешествие. Иметь его в своем распоряжении хотя бы одну полную неделю. Может, он задержится чуть позднее 17 часов? Прежде, он часто звонил жене, чтобы сказать, что взял дополнительную работу и придет позже. В это время они занимались любовью. Теперь, если она настаивает, чтобы он остался еще на немного, они вместе смотрят передачу *Вопросы к интересному человеку*.

И все-таки... первые их годы были просто сказочные.

7. Жан Пьер

В качестве представителя завода-изготовителя промышленных установок, Жан Пьер объезжает двадцать юго-западных департаментов, от Ангулема до Перпиньяна, и от Гере до Биарица. Сегодня он празднует свое тридцатидевятилетие. Жена подарила ему электрическую бритву, благодаря которой, по ее выражению, он будет «безупречен при любых обстоятельствах». Он улыбается и обнимает ее. Его самолет вылетает в 9.30. У них хватит времени на то, чтобы отвести пятилетнюю дочь в школу, потом жена проводит его в аэропорт, взяв с собой грудного ребенка, которому исполнилось восемь недель. Уже семь лет они живут в Тулузе. В понедельник ему необходимо быть в Париже, на производственном заседании, устраиваемом два раза в месяц. Жан Пьер вспоминает о подарке жены на его тридцатисемилетие: оздоровительном курсе в спортивном зале.

В этом спортивном зале он встретил Лидию.

Она была старше его на пять лет. Но на вид ей с легкостью можно было дать на пять лет меньше. Лидия была заядлой посетительницей тренировок. Она руководила агентством по радиотелефонии, с персоналом в пятьдесят человек, ее постоянное присутствие было необязательно, разве что иногда подписать корреспонденцию, поддержать отношения с несколькими крупными клиентами или поймать на крючок новых рыбин, на которые уже закинуты удочки двумя служащими из ее коммерческого отдела. Будучи в разводе, она пользовалась своей свободой и своими деньгами в полной мере.

В первый раз для занятий любовью она затащила его в свою шестидесятиметровую квартиру, расположенную в пятидесяти метрах от Капитолия. В этом райском уголке, обставленном со вкусом, который можно себе позволить, обладая деньгами, добытыми трудом двух поколений, между ног этой легкоатлетки, преисполненной фантазии и жизненной силы, он познал обалденный секс. Два дня спустя она заставила его пройти тест на СПИД, и когда подтвердился отрицательный результат, представила ему свой тест, внушающий доверие. Отныне они наслаждались без презерватива. Он имел возможность проводить по несколько недель вне супружеского дома, Лидия была свободна, и однажды он предложил ей сопровождать его в турне. С тех пор это превратилось в привычку. У нее были свои предпочтения. Страна басков, Шаранта, Каталония, оттуда она добиралась до мыса Агд, где жили ее друзья. Счета Жана Пьера на покрытие расходов значительно возросли, отели стали роскошнее, в адресной книжке Лидии увеличилось число заказов, однако его дирекция оплачивала все, не приглядываясь к деталям. Что касается жены, у нее не было привычки совать нос в его дела.

Они заходят в здание аэропорта. Жан Пьер везет тележку, где лежит его небольшой чемодан и тяжелая папка для бумаг. Жена, наподобие самки кенгуру, несет их сына в сумке. Он поднимает глаза к информационному табло, уточняя по экрану место посадки. И рядом видит – Лидию! На ней черно-красное облегающее платье, короткое настолько, что виднеется верхний край чулок, с застежками пояса для подвязок. Глубокий вырез платья спускается до низа спины. Из-под черных очков она пристально смотрит на него тем шаловливым взглядом, с которого начинаются их любовные игры. Прислонившись к стойке информационного табло и теребя сумочку из алой кожи, она выглядит столь провокационно, что большинство мужчин с нескрываемым интересом оглядываются на нее. Одни ей улыбаются, другие же – прибавляют шаг.

Жан Пьер что-то бормочет жене о том, что прекрасно сам во всем разберется, быстро провожает ее до автостоянки, ссылаясь на то, что так будет комфортнее для малыша. И, продолжая толкать перед собой тележку, следует за Лидией до самого туалета.

Там, в просторном туалете для инвалидов, она задирает платье на талию, обнажая ягодицы, охваченные черным поясом для подвязок, и молча упирается в стульчак унитаза. И он, словно одержимый, берет ее – быстро, мощно, обезумев от страсти.

Едва он кончает, она вытирается, выбрасывает бумажку в унитаз и снова натягивает платье на бедра. Затем поворачивается к нему и говорит:

– А теперь исчезни! Иначе прозеваешь свой самолет.

И хватая за галстук, чуть не задушив, притягивает его к себе:

– Понял, что бы ты потерял, если бы обманывал меня!

8. Жан Люк

Жан Люк убежден – он слишком рано пришел в мир, который движется слишком быстро. И готов признать, что ему лет сорок восемь, но не больше, хотя ближайшей зимой ему стукнет уже пятьдесят три. Своей выдумке он старается соответствовать изо всех сил, и на помощь ему приходят парикмахеры, визажисты, солярии, салоны с упражнениями для развития мускулатуры. У него три сына, двое из них уже женаты, собственная его жена Женевьева ему осточертела – и он, как поется в одной песенке, *часто меняет секретари*.

Чтобы выглядеть молодым и современным, в наш век высоких технологий не обойтись без освоения всяких технических новинок. Вот он и выписывает иллюстрированный журнал для мужчин, не скупясь на приобретение последних моделей, разрекламированных в рубрике «Следите за модой». Правда, все, на что он способен, – это их продемонстрировать, поскольку, как пользоваться ими, по большому счету, не освоил. У него куча компьютерных переводов инструкций по эксплуатации, но они для него – китайская грамота.

Недавно Жан Люк установил в своей новенькой «Ауди» ультра-новейшую модель сотового телефона, даже не вникнув в суть инструкции. Он нанял специалиста, тот составил программу конфигурации по эксплуатации.

И вот, на паркинге одного из банков, в его машине происходит свидание – самый юный член его женского персонала любезно соглашается живо поработать над его собственным членом. Телефон принимает вызов, но, находясь в режиме отключения звукового сигнала, не звонит. При этом аппарат настроен на автоматическое прекращение соединения, а значит, микрофон становится активным – одновременно с ним хозяин телефона проявляет все меньшую активность, а бойкая девица – все большую. Жан Пьер переходит к наглядному обучению и прочитывает неопытной малютке самую настоящую лекцию. В конце концов, его компаньон, который подключился к связи, вволю позабавившись в течение нескольких минут, подслушивая происходящее, вешает трубку.

В следующую субботу Жан Люк с Женевьевой и младшим сыном едут на уик-энд в Нормандию, там у тестя и тещи небольшая усадьба. На выезде с автомагистрали, у пункта уплаты дорожной пошлины образуется небольшая пробка. Женевьева выказывает желание предупредить свою мать, что они приедут с небольшим опозданием, – она заботится о том, чтобы не подгорела приготовленная для них баранья ножка. Жан Пьер выражает согласие, не отрывая при этом глаз от ножек красотки, сидящей за рулем машины слева.

Женевьева лучше мужа разбирается в премудростях его технологических новинок, она отъединяет телефонную трубку от основания, чтобы разговор не проходил через установленные в машине мощные динамики. Обменявшись несколькими словами с матерью, она нажимает на кнопку отсоединения, но в этот момент на экране высвечивается входящее сообщение. Женевьева колеблется, мгновение спустя снова нажимает на «отсоединение», но слишком поздно: сообщение уже запущено. Она подносит трубку к уху, стараясь определить голос предполагаемого собеседника и привлечь к нему внимание Жана Люка. Сообщение не защищено, и она слышит следующий текст:

– Привет, старый кобель! Это Микаэль, припомнил? Твой компаньон! Обещай: как только завершишь курс дрессировки малышки Беатрис, и она научится брать в рот – перекинешь ее мне. А уж я-то в долгу не останусь – преподам, как следует, анальный секс – и тут же верну ее обратно тебе. Ну пока, до понедельника.

Женевьева сохраняет хладнокровие. Младший сын дремлет на заднем сиденье. Мальчик в нее: новости о политических дебатах, которые слушает по радио Жан Люк, неизменно ее усыпляют. Она кладет трубку и незаметно достает из коробки для перчаток нетронутую инструкцию по эксплуатации новенького телефона. Листает ее. Из этой инструкции Женевьева

узнает – если сообщения не защищены, можно знакомиться с посланиями, приходящими к мужу из любого пункта, достаточно знать номер вызова сотового телефона. Теперь она сможет изменять текст каждого входящего сообщения, как захочет. Она возвращает инструкцию на старое место.

Жан Люк включает первую передачу и продвигается на несколько метров вперед, чтобы все время оставаться на одном уровне с обладательницей ножек его мечты.

9. Жан Эдье

В иные дни лейтенант полиции Мичелли охотно сменил бы университетскую степень магистра уголовного права на Свидетельство о профессиональной подготовке садовника. А сегодня, не моргнув глазом, уступил бы свой диплом, предложи ему взамен хоть пастушью суму! Эх, вот бы пастухом куда-нибудь в глухомань... ну, хотя бы в Ларзак. Живи себе и радуйся в этом Ларзаке! Три барана, две козочки и никаких тебе котов, красота! Надо бы призадуматься всерьез, да разместить объявление в какой-нибудь газетенке, в Авейроне: *Выдохшийся сыщик меняет сборище парижан на стадо коз!* Хм... Надо поизящнее, а то никто не откликнется. Сборище парижан и парижанок... *Парижанин*, переставь буквы, получится нечто вроде анаграммы слова *аспирин*! Вот что, кстати, не помешало бы принять против головной боли, которая одолевает Мичелли, когда он поднимается. Речь идет об его подъеме, который не имеет ничего общего с восходом солнца. Он уже давно перепутал день с ночью.

Сранный город! Жители – придурки! Погода мерзкая! Не работа, а дурдом!

И сегодня утром, ну, просто шиза! Не успел он натянуть свой пуленепробиваемый жилет, как надо выскакивать из дома: вооруженное нападение на улице Мартир, в кафе с табачным киоском. Они нагрянули вшестером, чтобы усмирить одного недоумка, он угрожал всем присутствующим, показывая шприц, наполовину заполненный его серопозитивной кровью. Если верить тому, что он наплел. Купить шприц в аптеке куда легче, чем сторговать винтовку у скупщика краденого. Поэтому в последнее время и развелось столько «нападений со шприцем в руке». Все же этому психу удалось сломать свою дрянную иглу об плечо агента Ришара. А вдруг у него на самом деле СПИД? Хреново тогда и Ришару, и троим его мальчикам!

Только отвезли агента в больницу и отправили этого задохлика в полицейский участок... Пуф! Час от часу не легче! Выстрел на улице Бланш! На «хате», что на четвертом этаже дома 39, оборудовано настоящее гнездышко любви, и там одну девушку угораздило направить пистолет, выхваченный ее сутенером, против него самого. Ну и видок у этого сутенера! Девушка истерически ревет: «Я не хотела пускать ему кровь, не хотела!» Легко сказать! Для установления его личности фотографии недостаточно: пуля раскроила ему весь торец! Стены забрызганы мозгами. На розовых обоях это смотрится тон в тон... А ей хорошо бы предложить пройти реадaptацию, пусть включается в общественную жизнь, ну, хотя бы как декоратор, что ли, когда она выйдет из тюрьмы, у нее уже будет не та вывеска, с которой можно возобновлять прежнее ее ремесло! Их дело – арестовать бабенцию, а дальше – пусть с ней валандаются эти типы из криминальной полиции.

Едва он принялся разгребать бумажки в полицейском участке, бац! Финальный бросок! С показаниями теперь разбираться Колену, а ему предстоит восхождение на третью за сегодняшний день Голгофу. Кодекс, статья 21. Кто бы знал, как он терпеть не может этих самоубийц!

Статья 21, «Попытка самоубийства». Один «отчаявшийся», как пишет *Паризьен*, взобрался на карниз своего дома, это на улице Мобеж. А ему теперь нестись туда на машине – капли дождя липнут к ветровому стеклу, как отработанное масло. Сирену ставить нельзя: вдруг этот кандидат на прыжок ангела с девятого этажа от нее взбесится.

Сранный город! Жители – придурки! Погода мерзкая! Не работа, а дурдом!

Он прибывает раньше пожарных. Это в доме 44, на углу улицы Кадэ. Красивое добротное здание. Предъявляет свое удостоверение, перечеркнутое сине-бело-красными полосами, консьержка поспешно открывает, она, видно, зажалась. И начинает объяснять, от смятения ее португальский акцент делается еще непонятнее. Почему четыре консьержки из пяти – португалки? Разводят они их, что ли, у себя в Лиссабоне? Приличная каменная лестница с красным ковром и всем прочим, на девятый этаж Мичелли поднимается на лифте.

Дверь открыта. Доносится женский голос:

– Жан Эдье, прошу тебя...

Не иначе, как жена.

– Лейтенант Мичелли, мадам... Ваш му...

– Сделайте что-нибудь, умоляю, а то он...

– Значит, это ваш муж, – говорит Мичелли, направляясь к окну. – Он объяснил вам причину такого поступка?

Он наклоняется. Вон этот субъект, в трех метрах от него. Судя по его виду, он не замечает Мичелли. При подобных обстоятельствах так даже лучше. Чтобы «установить контакт», нужны хоть какие-то исходные сведения. Субъект распростерся на каменном карнизе, с неподвижным взглядом – так наблюдают за Парижем статуи химер Нотр-Дам.

– Нет, он ничего не сказал... Вообще-то он пытался! Но я не поняла.

– Речь шла о чем? О ссоре?

– Нет... Он ворвался, как безумный, все время повторяя: «Это невозможно, это невозможно...»

– Невозможно что?

– Но ведь я говорю вам, не знаю!

С этой надо поаккуратней, она на грани нервного срыва.

– Успокойтесь, мадам. Я здесь для того, чтобы помочь вам!

В голове Мичелли ход событий прокручивается с бешеной скоростью. Зажиточная квартира, обставленная со вкусом. На мадам шмотки с фирменными знаками. Одна улица Мобеж чего стоит. Денежными вопросами, похоже, занимается Жан Эдье. Игрушки убраны в корзинку. Значит, есть дети. Наверное, они сейчас в школе, хоть в этом повезло. Судя по игрушкам, мальчик, от четырех до шести лет. В гостиной, на журнальном столике валяется номер *Молодой и Красивой*. Еще есть дочь, лет четырнадцати-пятнадцати. Журнал этот не для матери. Для нее надо бы разработать другой – *Старая и Безобразная*.

Ну, что же он тянет... Пора двигаться. Давай!

Мичелли ставит ногу на подоконник. Жан Эдье, похоже, все еще его не замечает. Хотя наверняка он находится в поле его зрения.

– Остановитесь, месье!

Никакого ответа. Он что, окосел, перебрал медака?

– Мадам, ваш муж принимает снотворные?

– Нет, нет...

«Установить диалог»... Да плевал я на тебя!

Все же он наклоняется пониже, силясь говорить отчетливо и спокойно:

– Месье! Ваши дети сегодня вечером спросят, где их отец!

На этот раз, до него вроде дошло, слова пробились сквозь мозговой барьер. Он выпрямляется. Будь поосторожнее, лейтенант, именно после этого они чаще всего и сигают.

– Не двигайтесь, месье. За вами придут. Я не стану ничего предпринимать, просто сяду на край окна. Так вас устроит?

– Вы ничем мне не поможете, убирайтесь!

Мичелли делает то, что обещал. Медленно ставит обе пятки на карниз. Стоп, не шевелиться! А то промокнешь до нитки! Очередной повод схватить насморк! На какой-то миг он подумал, а не припугнуть ли Жана Эдье серьезным гриппом, но нет, не годится, кто готов сломать себе шею о мостовую, тому не до заложенного носа. Лучше о детях, это, похоже, его прошибает...

– Разве это выход из положения? Как ваша жена объяснит такое малышу? У вас мальчик, да?

– Это невозможно...

– Невозможно что?

– Только не для меня! Нет! Не для меня...

Ух! Наконец-то продвигаемся, он заплакал. Слезы снимают напряжение. Это хорошо. А теперь завершим вопросительной фразой. Да, не забыть бы, теперь нужно «конкретизировать беседу»:

– В чем проблема, Жан Эдье?

– Почему? Боже мой, но почему?

– Пока не пришли пожарные, поговорим спокойно, ладно? Так в чем же проблема?

– Нечего обсуждать. Это невозможно...

Жан Эдье уставился на мостовую, до нее тридцать метров. Пешеходный переход станет верной мишенью, как раз точно внизу. Надо помешать ему вглядываться в пустоту.

– Посмотрите на меня, Жан Эдье. Я вас пойму. Что вас мучит?

Жан Эдье переводит взгляд на Мичелли.

– Понять такое? Куда вам!

Отлично. Этот тип разговорился. Мичелли «установил диалог»... Ай да учебник!

– Только не молчите. Вы готовы мне об этом рассказать?

– За сорок пять лет передо мной ни разу не возникало такого вопроса. Дети, жена, я ее люблю, она мне верна, и вдруг такое... невероятное влечение! Это невозможно!

А, вот оно что! Наконец мы подходим к главному! Этот барсук наставил своей женушке рога... Тоже мне дело! При чем тут полиция? Подняли по тревоге целую воздушно-десантную дивизию!

– Знаете, я думаю, ваша супруга сумеет вас понять. Такое случается с каждым. Я тоже один раз согрешил. И рассказал своей жене, она заслуживала, чтобы я ей признался. И ваша жена, я уверен, заслуживает этого не меньше. Разве вы так не думаете?

– Кретин!

– Что?

– Она сумеет понять, моя жена? Если я ей расскажу, как внезапно ощутил непреодолимую тягу схватиться обеими руками за любой хер, без разбору... и чтобы самому мне... засадил, чтобы меня отымел... вдоль и поперек, другой мужик. И что думаю я отныне только об этом? Не знаю, как случилось, что в одно прекрасное утро я, двадцать лет состоящий в браке и ни разу в жизни не пересекшийся ни с одним педерастом, вдруг начал с вождением заглядывать в промежность всем самцам нашего агентства... Она поймет, если я расскажу, как хочу вертеть жопой во всех столичных *притонах*, и от одной такой мысли млею от восторга? Как мучит меня жгучая жажда – пососать конец у каждого встречного? И в этом признаться жене? И она поймет? И объяснить это своим детям? Кретин...

Марсьяль и Роже. Опус 2

– Когда это случилось, вы с Розой уже давно были женаты?

– Точно не помню, все так далеко. Лет семь или восемь.

– Как это произошло? Я хочу сказать... Ты сам ее... нашел?

– Это никогда не бывает так просто. Она была подругой моей юности. Звали ее Элен. Тебе известно, что я учился в Бостоне? Так вот, там я с ней и познакомился. В ту пору между нами ничего не было, мы были очень близки, но дальше дружбы отношения наши не продвинулись. Получив диплом, я вернулся во Францию и там встретил Розу. Объявлена война. А затем – Соппротивление, работа в подпольных изданиях, мой роман. После войны я пользовался уже некоторой известностью. Элен периодически мне позванивала. И некоторое время спустя, меня пригласили прочесть цикл лекций в моем родном университете. Получив сведения о бронировании места в самолете и в гостинице, не совсем понимая, зачем, я сообщил ей время своего прилета, название отеля и номер комнаты. Когда я заносил туда свои чемоданы, она уже ждала меня в холле.

– И она тебя обольстила?

Роже не в силах удержаться от улыбки.

– Марсьяль, ты выражаешься, как персонаж из любовного романа. Нет, она меня не «обольстила». Скорее, это я сделал первый шаг. Мы пообедали в ресторане, куда заходили еще в студенческие годы. В памяти стали всплывать общие наши воспоминания. Приятный вечер в Бостоне, бухта, сверкающая огнями, Атлантика, отделяющая меня от привычной моей жизни. Я обнял ее за талию. Мне показалось, что она была к этому готова.

– А было ли так на самом деле?

– Думаю, что да. Я проявил настойчивость, она уступила. В течение многих лет она уверяла, что в тот вечер пришла меня повидать без всякой задней мысли. Теперь я все чаще в этом сомневаюсь, но она так никогда и не призналась. Видишь, даже в моем возрасте, «женская загадочность» не теряет свою остроту!

– Она была незамужняя?

– Почему же... У нее даже были дети.

– И долго длилась ваша связь?

– Не один год. Мои лекции в Бостоне проходили успешно. В ту эпоху американцы восхищались литературным Парижем, Сен-Жермен-де-Пре. Скромно замечу, что, являясь его представителем, я к тому же свободно говорил по-английски и сам переводил свои романы. Некоторые из них появлялись в Соединенных Штатах еще до своего выхода во Франции. Меня стали приглашать регулярно. Один или два раза в год. У меня даже была возможность поселиться в США, в период экранизации моего романа *Пепел и Свинец*. Но мне больше нравилось проживать две жизни, которые разделены океаном. Элен присоединялась ко мне, характер ее работы позволял ей ссылаться на деловые поездки в те города, где я находился.

– Она никогда не приезжала в Европу?

– Нет. Думаю, перелет через Атлантику означал бы для нее разрыв с мужем. Океан являлся чем-то вроде границы между двумя измерениями. Хотя от Бостона до Лос-Анджелеса лететь по времени не дольше, чем до Парижа. Граница символическая и, в то же время, вполне реальная.

– А если бы она проявила инициативу?

– Не знаю. Этого так и не произошло. Я любил ее, но Розу я тоже любил. При этом наши с Элен отношения не мешали ей любить Герберта.

– Ее мужа?

– Да. Мы жили как бы вчетвером, только они об этом не знали.

– Как же это должно быть тяжело: надо постоянно лгать, и...

– Это правда. И мне, и ей было непросто. Но мы нуждались друг в друге.

– Для чего?

– Ну и ну! Для чего? Ах, если бы возможно было однозначно установить причину необъяснимых наших поступков! Я не знаю. У каждого из нас возникали вопросы о нашей жизни, о нашей работе, о наших супругах, о наших детях. Мы делились своими сомнениями и ободряли друг друга. Отношения наши были неким свободным пространством, тайным садом, где мы совместно владели всем: нашими телами, нашими тревогами, нашими вопросами, нашими ответами. Это было прекрасно.

– Отчего же не разделить свои сомнения с Розой?

– Именно оттого, что она сама является их частью.

– Как такое возможно?

– Знаешь, когда в двадцать пять лет твоя душа связывает себя обетом с другой душой, срок этого обета хочется считать бесконечным. Постепенно, живя вместе, души эти претерпевают изменения. Причем меняются они не всегда в том же направлении, не всегда с той же скоростью. И вдруг, однажды утром просыпаешься – а рядом чужая душа, которую твоя душа больше не признает. Наверное, это общее место, но что поделать, таково реальное положение вещей.

Марсьяль делает негодующее движение рукой:

– Конечно же, – говорит он, – так практически у всех, не правда ли?

Роже замечает тень, промелькнувшую во взгляде молодого человека. Он старается говорить нейтральным тоном:

– Полагаю, говоря так, ты имеешь в виду своего отца.

– И что из этого?

– Ничего. Просто ты страдаешь из-за расставания своих родителей.

Марсьяль не отвечает, впрочем, и вопроса-то нет. Он обхватывает колени руками, положив сверху подбородок, и смотрит сквозь слезы на маленький язычок пламени, надрывно догорающий в очаге. Роже выпрямляется.

– Я еще заварю чаю.

Роже встает, предоставляя юноше возможность выплакаться. Марсьяль это улавливает, но не желает давать волю своим чувствам. Он, в свою очередь, встает и подбрасывает в камин полено. Раздувает огонь. Пламя, потрескивая, набирает силу. Чем отличается история Роже от истории его отца? Роже не попался с поличным, только и всего! Выходит, жизнь – всего только череда предательств, совершаемых тайком? Разве не существует запрета на предательство? Или главное – просто не быть уличенным? Как далек этот мир от иллюзий и благородных намерений, в соответствии с которыми хотелось бы жить Марсьялю.

Роже возвращается с дымящимся чайником. Он садится, обращает внимание на появление нового полена.

– Ты в порядке?

– Да, просто я задумываюсь, кем мне стать в будущем.

– И кем же?

– Колеблюсь, никак не выберу между евнухом и монахом-траппистом. То ли кастрация, то ли уединение.

– Ответ напрашивается сам собой! Для достижения успеха, начни с одного, и неизбежно придешь к другому. Так что попробуй стать обоими сразу!

Они смеются, глядя друг на друга. Роже наливает чай в пиалы и рассказывает забавную историю про одного кюре, которого собраты лишили духовного сана, и он стал психоаналитиком. Отныне он на всю жизнь обречен выслушивать исповеди про сексуальные страдания своих пациентов.

– Скажи-ка мне, Роже...

– Да, мой юный друг.

– Если бы эта... «американская подруга» оказалась мужчиной. Вы бы тоже оказались в постели?

– Нет. Так сложилось, что я не гомосексуалист. Интересно, что ты задаешь мне подобный вопрос.

– Почему?

– Представь, Элен часто спрашивала меня о том же. «А если бы Герберт снял трубку в тот день?» «А если бы пришла не я, а он?»

– Не кажется ли тебе, что, в конечном счете, она предпочитала твою дружбу твоей... любви?

– Она никогда ясно этого не формулировала, хотя, похоже, стремилась к этому. Тем не менее, мы с ней преодолевали тысячи километров, чтобы непременно очутиться вдвоем под одеялом. Тогда это казалось мне совершенно естественным, никогда я не проделывал такого пути для того, чтобы встретиться с приятелем. По-моему, это явное доказательство того, что связывало нас нечто большее, чем просто дружба.

– Уверен, она не согласилась бы с таким выводом.

– Как трогательно! Я-то знаю, насколько вывод этот всякий раз подтверждался неоспоримыми фактами.

– В итоге, ты по отношению к Розе, она – к Герберту и даже оба вы по отношению друг к другу – все вы жили среди лжи.

– Очередная формулировка из романа в фотографиях. Жили мы не во лжи, а скорее, в невысказанности.

– И на этот раз ты сглаживаешь углы, ссылаясь на оттенки!

– Неправда. Просто нельзя подводить итог сложных ситуаций, где перемешано множество чувств и впечатлений, с помощью единой жесткой формулировки.

Марсьяль сносит удар. Потом с горечью отвечает:

– Тем не менее, если бы вместо Элен пришел Герберт, никакого обмана бы не произошло!

– Да, но если бы не она, я не стал бы тем, чьим советом и мнением ты сегодня интересуешься. Каждый раз, когда в моей жизни лил дождь, я думал о ней. Когда мы спорили с Розой, когда одна за другой чахли мои иллюзии, когда танки вошли в Будапешт, когда мой сын хлопнул дверью перед моим носом, когда после каждого нового романа критика вечно писала одно и то же...

Теперь в половодье чувств погружается Роже. Он закрывает глаза, затаив дыхание. Потом возвращается к разговору:

– Мне кажется, я знаю, отчего ты такой бескомпромиссный.

– Отчего же?

– Оттого, что ты никогда не знал любви в объятиях женщины. Оттого, что ты девственник. Я ошибаюсь?

– Нет.

10. Жан Ноэль

Супружеская чета Жана Ноэля и Софи в затруднительном положении.

Прежде всего, с финансовой точки зрения: после двух лет его безработицы приходится считать каждый сантим. Но и остальное не лучше. Из-за вынужденной бездеятельности Жан Ноэль сделался сварливым, ворчливым и раздражительным. Одним словом, невыносимым. Он изводит Софи постоянными придирками, любая покупка, даже самая необходимая, служит поводом для ссоры. Хотя именно на зарплату Софи, пусть и невысокую, они с двумя детьми живут в трехкомнатной квартире на улице Палестины. Каждое утро Жан Ноэль провожает детей в школу, на улицу Журден, и каждый вечер забирает их оттуда. Для малышей бездеятельность отца превратилась в норму. С тех самых пор, как они вступили в возраст, когда дети начинают воспринимать общественную жизнь, они никогда не знали отца другим и никогда не видели, чтобы он работал. Жан Ноэль все понимает, и это его гнетет.

Сложилось так не оттого, что он ничего не искал. После увольнения целых шесть месяцев, с утра до вечера, он занимался исключительно поисками работы. Приучался к расписанию и к дисциплине. Утром – чтение объявлений, обработка резюме и составление мотивационных писем³; вторая половина дня – встречи, собеседования о найме на работу и административные формальности. После пятидесяти безуспешных попыток, многие из которых были крайне близки к победному концу, он пал духом. В свои тридцать шесть лет, по мнению его потенциальных работодателей, он был одновременно: слишком квалифицированным, недостаточно эффективным, слишком заинтересованным, слишком нервным, недостаточно активным, неспособным управлять командой, ярым сторонником канцелярских методов, недостаточно гибким, недостаточно дипломированным, слишком молодым, слишком опытным, слишком старым, слишком податливым, а значит, неустойчивым, недостаточно динамичным, слишком «вникающим», слишком требовательным в плане зарплаты, недостаточно боевым, недостаточно харизматичным, слишком обольстительным. Один раз ему даже дали понять, полупонамеком, что он, в некотором смысле, чересчур неподкупный, раз не замечает, в каких махинациях ему предлагают участвовать.

На седьмой месяц он уже довольствовался тем, что по утрам просматривал несколько объявлений, а после обеда отправлялся в кино, то ехал в Одеон, то в Монпарнас. Но и этим он вскоре пресытился.

Вот уже год, как он протоптал дорожку к Национальному Агентству Службы Занятости 20 округа. Контора эта предоставляет безработным возможность пользоваться различным оборудованием, с целью поиска работы. В распоряжении безработных ксерокс, факс, бесплатный выход в Интернет и бесплатная телефонная линия, все это финансируется за счет налогов, отчисляемых предприятиями. И Жан Ноэль активно пользуется телефонной связью.

³ Письмо с предложением своей кандидатуры на искомую должность. Должно быть рукописным. К нему прилагаются резюме и фотокопии дипломов. – Примечание переводчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.